

АБОРТЫ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ПРАВА НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ¹

Екатерина Вячеславовна Киселева

кандидат юридических наук
доцент кафедры международного права
Российского университета дружбы народов
117198, Российская Федерация, Москва
ул. Миклухо-Маклая, 6
kiseleva_ev@rudn.university

Ольга Сергеевна Кажаяева

кандидат юридических наук
kazhaeva_olga@mail.ru

Для цитирования: *Киселева Е. В., Кажаяева О. С.* Аборты в практике Европейского суда по правам человека в контексте концепции соматических прав человека и права на свободу вероисповедания // Праксис. 2020. № 2 (4). С. 87–112. DOI: 10.31802/PRAXIS.2020.4.2.006

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00292.

Аннотация

УДК 618.4 (347.151)

В практике Европейского Суда по правам человека есть ряд решений, затрагивающих проблему аборт, последние из которых на октябрь 2020 г. были вынесены в марте 2020 г. (дела Гриммарк против Швеции и Стин против Швеции). Хотя права на аборт в Европейской конвенции по правам человека 1950 г. нет, такие дела рассматриваются, в частности, в контексте права на жизнь (как правило, беременной женщины, но не нерожденного ребенка), права на неприкосновенность частной жизни (как правило, беременной женщины, но не, например, отца нерождённого ребенка), свободы вероисповедания (как правило, медицинского работника, отказывающегося от проведения аборта по соображениям совести и обычно не защищаемого Судом) и др. Примечательно, что при вынесении решений по делам об абортах Суд *de facto* опирается на концепцию так называемых соматических прав человека и чем дальше, тем менее утруждает себя поиском действительного баланса между различными правами человека, оказывающимися в соприкосновении в связи с аборт. Теория о соматических правах человека как правах человека четвертого поколения исходит из мировоззренческого признания права человека на распоряжение собственным телом, чему способствует быстрое развитие биомедицины, биоинженерии и промышленного производства, но противоречит Православному вероучению. В настоящей статье раскрываются основные положения, относящиеся к так называемым соматическим правам человека, особенно репродуктивным, отмечается их расхождение с христианским отношением к жизни и телу человека, приводятся три примера дел Европейского Суда по правам человека, связанных с абортами, которые свидетельствуют о тенденции признания «права на аборт» в целом и, в частности, в качестве более приоритетного, чем защита свободы вероисповедания, если речь идет об отказе от проведения аборта по соображениям совести медицинского работника.

Ключевые слова: международное право, права человека, свобода вероисповедания, христианство, аборт, соматические права, репродуктивные права, отказ от проведения аборта по соображениям совести.

Аборты в России охвачены системой обязательного медицинского страхования, то есть могут осуществляться за счёт средств налогоплательщиков. При этом негативное демографическое значение аборт является общим местом. Среди поручений, данных Президентом России 28 сентября 2020 г. в части «Сохранения населения, здоровья и благополучия людей», отмечена необходимость «провести оценку эффективности работы медицинских организаций по профилактике аборт... и разработать меры, направленные на повышение эффективности такой работы...»². В этой связи, как представляется, особую актуальность приобретают исследования, способствующие раскрытию концептуальной основы в целом более чем позитивного отношения к абортам со стороны международных правозащитных органов, к которым согласно ч. 3 ст. 46 Конституции РФ 1993 г. (с последующими изменениями) «каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться <...>, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты».

Европейским Судом по правам человека (далее ЕСПЧ или Суд) рассмотрен целый ряд дел, связанных с проведением аборт. Можно сказать, что позиция Суда является в целом проабортной. Представляется, что причиной подобного положения дел является дехристианизация западноевропейского общества, выражающаяся, среди прочего, в развитии концепции так называемых соматических прав человека.

Концепция так называемых соматических прав человека

В абз. 3 п. XII. 2 Основ социальной концепции Русской Православной Церкви 2008 г. говорится, что «[в]ерность библейскому и святоотеческому учению о святости и бесценности человеческой жизни от самых ее истоков несовместима с признанием “свободы выбора” женщины в распоряжении судьбой плода», однако именно эта «свобода выбора» является правозащитным следствием развития концепции так называемых соматических прав человека, всё более утверждающихся на универсальном и европейском региональном уровнях защиты прав человека международно-правовыми средствами.

2 Перечень поручений по итогам расширенного заседания президиума Государственного совета. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/64273> Пр-1726ГС. П. 4ж.

Концепция так называемых соматических прав человека начала складываться в конце XX столетия в силу активного развития медицины, биоинженерии и, одновременно, дехристианизации технологически развитого западноевропейского общества, оказывающего весьма сильное, если не определяющее влияние на формирование универсальных международно-правовых правозащитных подходов. Концепция представляет собой теорию о «правах человека по распоряжению собственным телом».

Термин «соматические права» появился в российской научной юридической литературе благодаря В. И. Круссу, который определили их как «группу таких, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в “праве” человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его “модернизацию”, “реставрацию” и даже “фундаментальную реконструкцию”, изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами»³.

В своей работе «Соматические права человека в соотношении православной антропологии С. Л. Франка и философии экологического кризиса В. Хесле» В. И. Крусс писал: «Конституционное ограничение соматических прав явилось бы тем реальным внешним фактором, который способствовал бы решению задачи сущностного преодоления греха (морального зла) в человеке»⁴. Таким образом, вводя в научный оборот российской науки понятие соматических прав, В. И. Крусс оставался на критической позиции по отношению к их закреплению и продвижению, однако в дальнейшем появилось немало работ отечественных правоведов, принявших концепцию соматических прав как прогрессивную.

Соматические права имеют отличительные признаки: «специфический характер объекта данных прав — тело человека; возможность их практического осуществления с помощью достижений естественных и технических наук (биологии, генетики, медицины, физики, техники

3 Крусс В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43. Цит. по: Лаврик М. А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 16. См. также: Поцелуев Е. Л., Данилова Е. С. Понятие и виды личностных (соматических) прав человека // Наука. Общество. Государство. 2015. Т. 3. № 1. С. 124–133.

4 Крусс В. И. Соматические права человека в соотношении православной антропологии С. Л. Франка и философии экологического кризиса В. Хесле // Медицина, этика, религия и право. М., 2000. С. 189.

и др.); непризнание этих прав религией, моралью, этикой; неразрывная связь с основными, прежде всего личными, правами человека; реализация таких прав является юридическими фактами для иных правовых отношений; степень их признания и реализации отражают уровень личностно-правовых ценностей государства и общества в целом»⁵.

Соматические права человека, по убеждению их апологетов, представляют собой «личные (субъективные) права человека (не государства, не общества, не религии), поскольку они связаны с частной, интимной жизнью человека, они имеют естественное происхождение, возникают у человека с рождения и неотчуждаемы (с позиции концепции современного правового государства)»⁶.

Соматические права человека, как считается, составляют отдельное поколение прав человека отличное от трех признанных поколений прав человека, таких как личные (гражданские) и политические права; социальные, экономические и культурные права; права солидарности или коллективные права⁷. «Как отмечает основоположник теории соматических прав профессор В. И. Крусс, природа “соматических” прав крайне своеобразна: здесь человек не только претендует на радикальное изменение первородной телесной целостности, но также выдвигает определённые претензии обществу. Своеобразен и предмет правовых притязаний: будучи лишь отчасти материальным он вместе

5 См.: *Нестерова Е. М.* Понятие и юридико-социальная сущность соматических прав человека // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 7 (29). С. 222–226. См. также: *Поцелуев Е. Л., Данилова Е. С.* Понятие и виды личностных (соматических) прав человека // Наука. Общество. Государство. 2015. Т. 3. № 1. С. 124–133. Цит. по: *Смирнов А. М.* К вопросу о выделении соматических прав в самостоятельную группу прав человека // Образование и наука в России и за рубежом. URL: <https://gyrna.ru/statyi/ru/743>.

6 Там же.

7 См., например: *Абашидзе А. Х., Солнцев А. М.* Новое поколение прав человека: соматические права человека // Московский журнал международного права. 2009. № 1 (73). С. 69–82. В качестве справки следует указать, что общепризнанные три поколения прав (личные и политические; социальные, экономические и культурные права; права солидарности или коллективные права) были введены в научный оборот чешским учёным К. Васакем и предшествуют по времени возникновения и утверждения друг другу: личные гражданские и политические права человека появились в правовых документах XIII в., распространились в конце XVIII в. и составили первое «поколение» прав человека; экономические, социальные и культурные права стали выделяться в конце XIX – в начале XX вв. – второе «поколение»; коллективные права (права солидарности) связаны с эпохой деколонизации, т. е. хронологически относятся к периоду после окончания Второй мировой войны – 60-м годам XX в. – это третье «поколение». См.: *Смирнов А. М.* К вопросу о выделении соматических прав в самостоятельную группу прав человека // Образование и наука в России и за рубежом. URL: <https://gyrna.ru/statyi/ru/743>.

с тем принципиально определён персональными характеристиками правообладателя»⁸.

В рамках Организации Объединенных Наций, Организации ООН по образованию, науке и культуре (ЮНЕСКО) и Совета Европы осуществляется международно-правовое регулирование отдельных аспектов концепции соматических прав⁹, например, принятием Замечание общего порядка № 22 (2016) о праве на сексуальное и репродуктивное здоровье (статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.), резолюции ЭКОСОС 2001/39 «Генетическая конфиденциальность и недискриминация» от 26 июля 2004 г., резолюции ЭКОСОС 2004/9 «Генетическая конфиденциальность и недискриминация» от 16 июля 2004 г., резолюции Комиссии по правам человека 2003/69 «Права человека и биоэтика» от 25 апреля 2003 г., Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека от 11 ноября 1997 г., Международной декларации о генетических данных человека от 16 октября 2003 г., Всеобщей декларацией о биоэтике и правах человека от 19 октября 2005 г. и др.

Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека от 11 ноября 1997 г. устанавливает, что ее положения следует рассматривать с учётом внутреннего законодательства государств и международного права в области прав человека (преамбула).

Всеобщая декларация 1997 г. устанавливает, что при пользовании результатами прогресса науки и технологических исследований необходимо учитывать, что «индивидуальность человека имеет биологические, физиологические, социальные, культурные и духовные аспекты... моральная ответственность и анализ этических проблем должны быть неотъемлемой частью научно-технического прогресса и что биоэтика должна играть главенствующую роль в выборе необходимых решений по вопросам, возникающим в связи с таким прогрессом... желательность выработки новых подходов к вопросам социальной ответственности для гарантирования того, чтобы научно-технический прогресс способствовал обеспечению справедливости, равноправия и интересов человечества» (преамбула).

8 Ананских И. А., Чернова О. Ю. Соматические права в системе прав человека // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 12. С. 13. Цит. по: Крусс В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10 С. 43–50. См. также: Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Новое поколение прав человека: соматические права человека // Московский журнал международного права. 2009. № 1 (73). С. 69–82.

9 См. подробнее: Там же.

В п. 2 ст. 3 Всеобщей декларации 1997 г. закреплено: «Интересы и благосостояние отдельного человека должны главенствовать над интересами собственно науки или общества».

Статья 4 Всеобщей декларации 1997 г. исходит из того, что «в процессе применения и развития научных знаний, медицинской практики и связанных с ними технологий следует добиваться получения максимальных прямых и косвенных благ для пациентов, участников исследований и других затрагиваемых лиц и сводить к минимуму любой возможный для них вред».

Согласно Всеобщей декларации 1997 г. «любое медицинское вмешательство в профилактических, диагностических или терапевтических целях должно осуществляться только с предварительного, свободного и информированного согласия соответствующего лица на основе надлежащей информации. Согласие в соответствующих случаях должно быть явно выраженным и может быть отозвано соответствующим лицом в любое время и по любой причине без негативных последствий или ущерба» (п. 1 ст. 6).

Статья 9 Всеобщей декларации 1997 г. подтверждает неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность полученной информации.

Важной представляется п. 2 ст. 14 Всеобщей декларации 1997 г., которая устанавливает следующее:

«Ввиду того, что обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав всякого человека без различия по признаку расы, религии, политических убеждений, экономического или социального положения, прогресс в области науки и техники должен способствовать:

- а) доступу к качественным медицинским услугам и важнейшим лекарствам, особенно в том, что касается здоровья женщин и детей, поскольку здоровье имеет важнейшее значение для самой жизни и должно рассматриваться в качестве общественного и человеческого блага...».

В резолюции Комиссии по правам человека 2003/69 «Права человека и биоэтика» от 25 апреля 2003 г. признаётся стремление международного сообщества к обеспечению достоинства и неприкосновенности человеческой личности, а также подтверждается необходимость соблюдения неотъемлемых прав, гарантированных Международным пактом о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 г. и др.

Важным является положение упомянутой резолюции относительно предложения правительствам государств «рассмотреть вопрос о создании независимых, междисциплинарных и плюралистических комитетов

по этике для анализа — особенно в сотрудничестве с Международным комитетом по биоэтике Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры — этических, социальных и гуманитарных вопросов, возникающих в связи с биомедицинскими исследованиями, касающимися людей, и в частности исследованиями, касающимися генома человека, и применением их результатов, и предлагает им также информировать Генерального секретаря о создании любых таких комитетов в целях содействия обмену опытом между такими учреждениями» (п. 10), что подтверждает положение относительно связи соматических прав с этическими нормами.

Международная декларация о генетических данных человека от 16 октября 2003 г. также содержит положения о необходимости получения согласия лица на сбор, обработку и хранение генетических данных (ст. 8–9), праве на частную жизни и конфиденциальность последней (ст. 14), об образовании, подготовке кадров и распространении информации в области этических норм (ст. 24) и другие.

Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека от 19 октября 2005 г. в статье 2 устанавливает право каждого человека на уважение его достоинства («...уникальности и неповторимости») и его прав, вне зависимости от его генетических характеристик.

Так называемые репродуктивные права. М. А. Лаврик разработал классификацию соматических прав, в которую включил следующее:

- право на смерть;
- права человека относительно его органов и тканей;
- сексуальные права человека (возможность искать, получать и передавать информацию, касающуюся сексуальности, сексуальное образование, выбор партнера, возможность решать, быть человеку сексуально активным или нет, самостоятельно решать вопрос о добровольных сексуальных контактах, вступлении в брак; вопрос о легализации проституции; оборот порнографической продукции и правовое регулирование положения сексуальных меньшинств);
- репродуктивные права человека (позитивного характера: искусственное оплодотворение и негативного характера: аборт, стерилизация, контрацепция);
- право на перемену пола¹⁰.

10 Лаврик М. А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 22.

Г. Б. Романовский рассматривая в своей работе «Понятие и содержание репродуктивных прав в России и странах СНГ // Реформы и право» различные точки зрения на репродуктивные права, приходит к выводу о том, что понятие репродуктивных прав носит условный характер и включает различные категории прав, которые в свою очередь, подлежат оценке и регулированию со стороны государства¹¹.

О. А. Хазова в статье «Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования» указала, что к такого рода правам относятся «права граждан самостоятельно и свободно от какого бы то ни было принуждения решать вопросы деторождения, иметь доступ к необходимой для этого информации и медицинской помощи»¹².

В 2016 г. Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам в рамках ООН было принято Замечание общего порядка № 22 о праве на сексуальное и репродуктивное здоровье (статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.)¹³.

В положениях данного документа важным является затрагивание вопросов необходимости наличия квалифицированного медицинского персонала, лекарственных средств, включая средства по прерыванию беременности и восстановлению после аборта (п. 13); доступа и распространения информации относительно вопросов сексуального и репродуктивного здоровья (п. 18); доступа наравне с мужчинами к медицинским услугам, лекарственным препаратам и обеспечения государством доступа к законным способам прерывания беременности, контрацептивным средствам (п. 28); устранения или ограничение принятия государствами законов, действие и реализация которых повлечет ограничение способности отдельных лиц или групп лиц к осуществлению последними права на сексуальное или репродуктивное здоровье, включая запрет на аборт или уголовную ответственность за них (п. 34); соблюдение конфиденциальности медицинских данных (п. 40); отмены законов в будущем, ограничивающих права лиц

11 Романовский Г. Б. Понятие и содержание репродуктивных прав в России и странах СНГ // Реформы и право. 2010. № 4. С. 3–18.

12 Хазова О. А. Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 4. С. 16. Цит. по: Поцелуев Е. Л., Данилова Е. С. Понятие и виды личностных (соматических) прав человека // Наука. Общество. Государство. 2015. Т. 3. № 1. С. 4.

13 Замечание общего порядка № 22 (2016) о праве на сексуальное и репродуктивное здоровье (статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.) от 2 мая 2016 г. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/C.12/GC/22>.

на сексуальное и репродуктивное здоровье, вмешательства в реализацию такого права третьими лицами (п. 41) и иные.

«**Право на аборт**» как разновидность соматических прав, кроме самого права женщины на процедуру прерывания беременности, поднимает ряд проблем, требующих регулирования, например, правоспособность ребенка и защита его права на жизнь, ответственность медицинского персонала, осуществляющего аборт, отказ врача от производства аборта, включая не только медицинские показатели, но и соображения совести врача.

Интересно, что ещё в древнеримском праве закреплялось, что правоспособность субъекта возникает в момент рождения и прекращается смертью лица. При этом, «право заботилось об обеспечении интересов лица, находящегося в утробе матери. За вытравление плода устанавливалось уголовное наказание. Юридическая ответственность за посягательство на материнство возлагалась как на третье лицо, так и на саму женщину. Таким образом, закон запрещал прекращение жизни зачатого, но не рожденного младенца»¹⁴.

Древнеримский мыслитель и философ Ульпиан в 41-й книге «Комментариев к эдикту» писал, что «подобно тому, как претор заботится о тех детях, которые уже среди живущих, так же он, вследствие надежды на рождение, не оставляет без внимания и тех, кто ещё не родился»¹⁵.

«Законодательством Юстиниана (527–565 гг. н. э.) предусматривалось различие между “неоухотворенным” (до 40-го дня беременности) и “оухотворенным” (с 41-го дня) зародышем. Решением VI Константинопольского собора (629 г.) истребление “оухотворенного зародыша” каралось смертной казнью, а “неоухотворенного” — ссылкой»¹⁶.

Православная церковь придерживается позиции начала жизни человека с момента зачатия, как это отражено, в частности, в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви 2008 г.: «С древнейших времен Церковь рассматривает намеренное прерывание беременности (аборт) как тяжкий грех. Канонические правила приравнивают аборт к убийству. В основе такой оценки лежит убежденность в том, что зарождение человеческого существа является даром Божиим, поэтому

14 Рудый Н. К., Михайличенко С. И., Аушев М. З. Историко-правовой аспект конституционного права на жизнь и правовой статус эмбриона человека // История государства и права. 2010. № 11. С. 9–12.

15 Цит. по: Там же. С. 10.

16 Там же. См. также: Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / ред. М. С. Батыра. М., 2008. С. 84.

с момента зачатия всякое посягательство на жизнь будущей человеческой личности преступно» (абз. 1 п. XII. 2).

В юридической научной литературе нет единого подхода к определению начала жизни, например, ещё в 1903 г. учёный правовед В. Д. Набоков в *Элементарном учебнике русского уголовного права* предлагал считать началом жизни появление какой-либо части тела младенца из утробы матери¹⁷, а А. А. Пионтковский указывал, что самое верное — это «охрана жизни человека в процессе рождения»¹⁸.

В законодательстве государств также нет единообразного подхода к моменту рождения и тому, что считать таковым, например: «во Франции жизнь ребенка начинает защищаться государственными законами через 10 недель после зачатия, в Дании — после 12 недель, в Швеции — после 20, во многих странах жизнь юридически защищена только после рождения»¹⁹.

Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации 1994 г. правоспособность человека возникает в момент рождения человека и прекращается смертью (п. 2 ст. 17), но некоторые законодательные акты Российской Федерации содержат положения, свидетельствующие о признании за не рождённым ещё ребенком определённых прав и их защиту, например, Гражданский кодекс РФ в ст. 1166 устанавливает охрану прав ребенка при разделе наследства, а именно «При наличии зачатого, но ещё не родившегося наследника раздел наследства может быть осуществлен только после рождения такого наследника».

Интересным, с точки зрения положений о праве на жизнь, представляется Американская конвенция о правах человека от 22 ноября 1969 г., а именно ст. 4.1, в которой говорится следующее: «Каждый человек имеет право на уважение его жизни. Это право защищается законом и, как правило, с момента зачатия»²⁰.

Во многих странах Западной Европы с 1960-х гг. были либерализованы законы об абортах, и «аборт в первом триместре стал функционально доступным по запросу женщины в рамках различных правовых структур и требований», при этом, «из-за политического компромисса или прагматической необходимости во многие из этих законов были

17 *Набоков В. Д.* Элементарный учебник русского уголовного права. Вып. 1. СПб., 1903. С. 5.

18 *Пионтковский А. А.* Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 1. М., 1955. С. 614.

19 *Рудый Н. К., Михайличенко С. И., Аушев М. З.* Историко-правовой аспект конституционного права на жизнь и правовой статус эмбриона человека // *История государства и права.* 2010. № 11. С. 9–12.

20 Американская конвенция о правах человека от 22 ноября 1969 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39605365#pos=3;-106.

включены положения, позволяющие практикующим врачам отказываться от аборт по соображениям совести»²¹.

Согласно разделу 1 Закона Англии об абортах 1967 г. с поправками, внесёнными статьёй 37 Закона об оплодотворении человека и эмбриологии (1990 г.), «аборт разрешается, когда беременность прерывается зарегистрированным практикующим врачом, при наличии мнения как минимум двух практикующих врачей о том, что: а) срок беременности не превысил двадцать четвертую неделю, и что продолжение беременности повлечет за собой больший, чем в случае прерывания беременности риск повреждения физического или психического здоровья или в любой момент беременности, если существует значительный риск серьезной инвалидности у ребенка или серьезный риск для жизни или здоровья беременной женщины»²².

В разделе 4 данного Закона говорится, что «ни одно лицо не несет каких-либо обязательств, будь то по договору или по закону или иным законным требованиям, по участию в любом лечении, разрешенном этим Законом, против которого оно возражает по убеждениям совести»²³. При этом, согласно Закону, врач, отказывающийся делать аборт по соображениям совести обязан направить женщину к другому специалисту²⁴.

В качестве ещё одного примера можно указать итальянский закон № 194 «О социальной защите материнства и добровольном прерывании беременности» 1978 г., который разрешает проведение аборт в течение первых 90 дней беременности по экономическим, семейным, медицинским или личным причинам и до 24 недель беременности, когда беременность представляет собой серьезную угрозу для жизни женщины или когда аномалии плода представляют серьезную угрозу для физического или психического здоровья женщины²⁵.

Статья 9 данного Закона узаконивает и регулирует практику отказа от проведения аборт врачом по соображениям совести, которая разрешена, за исключением случаев немедленного прерывания беременности в целях спасения жизни беременной женщины²⁶.

21 *Chavkin W., Swerdlow L., Fifield J.* Regulation of Conscientious Objection to Abortion: An International Comparative Multiple-Case Study // *Health and Human Rights Journal*. 2017. Vol. 19. № 1. P. 55.

22 *Ibid.* P. 58; *Lee E.* *Abortion Law and Politics Today*. London, 1998. P. 43–44.

23 *Chavkin W., Swerdlow L., Fifield J.* Regulation of Conscientious Objection to Abortion: An International Comparative Multiple-Case Study // *Health and Human Rights Journal*. 2017. Vol. 19. № 1. P. 58.

24 *Ibid.*

25 *Ibid.*

26 *Ibid.*

Практика Европейского Суда по правам человека

В практике ЕСПЧ можно встретить дела, касающиеся процедуры аборта и нарушения прав женщин на их проведение²⁷, а также касающиеся права на вероисповедание и отказа от проведения аборта²⁸.

В 2020 г. в Европейском Суде по правам человека были вынесены решения по делам двух медсестер из Швеции (Элинонн Гриммарк и Линды Стин), прошедших обучение на акушерок и получивших отказ в приеме на работу в Швеции ввиду их несогласия по соображениям совести на проведение абортов²⁹. После вынесения решений не в пользу Элинонн Гриммарк и Линды Стин судами Швеции, они обратились в Европейский Суд по правам человека, но последний отказал в рассмотрении данных дел как явно необоснованных.

Основания для обращения в ЕСПЧ у двух заявительниц схожи. Уроженка Швеции Элинонн Гриммарк и Линда Стин из Норвегии прошли обучение на акушерок, финансируемое по государственной программе Швеции, и получили лицензию на осуществление акушерской деятельности в Швеции, но в последующем при их заявлении о приверженности христианской вере и отказе от участия в абортах им было отказано в предоставлении акушерской работы. Медсестры ссылались на нормы о дискриминации и нарушении их свободы совести.

В обоих решениях Суд признал, что отказ от проведения аборта по соображениям совести составляет исповедание религии по смыслу ст. 9 Конвенции, а потому в обоих делах имело место вмешательство в свободу вероисповедания (п. 25 решения по делу Гриммарк, п. 20 решения по делу Стин), однако к такому вмешательству применимы положения об ограничении исповедания религии, «которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц», как это закреплено в ч. 2 ст. 9 Конвенции.

27 См. дела: ECHR, the Case of W. P. v. the United Kingdom (1980 г.), ECHR, the Case of A. B. & C. V. Ireland (2010 г.), ECHR, the Case of V. O. v. France (2004 г.). См. также: Council of Europe: European Court of Human Rights, Guide on Article 8 of the European Convention on Human Rights – Right to Respect for Private and Family Life, 31 December 2016. P. 18–19. URL: <https://refworld.org/docid/5a016ebe4.html>.

28 См. также: ECHR, the Case of Tysiac v. Poland (2007 г.), ECHR, the Case of R. R. v. Poland (2011 г.), ECHR, the Case of Rommelfanger v. FRG (1989 г.) и другие.

29 Application no. 43726/17 Ellinor Grimmark against Sweden. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%22itemid%22:%22001-201915%22>].

В этом месте считаем важным привести дословно четыре пункта решения (перевод авторов)³⁰, чтобы читатель мог удостовериться в «глубине» анализа дела Европейским Судом по правам человека (приводится по решению по делу Гриммарк, решение по делу Стин (п. 20–23) в соответствующих местах является дословным повтором). Цитата приводится без сокращения, прерывается вопросами авторов.

«25. Суд отмечает, что отказ заявительницы от содействия в абортах по причине ее вероисповедания и совести составляет такое проявление ее религии, которое защищено по Статье 9 Конвенции. Таким образом, имело место вмешательство в ее свободу религии по ч. 1 Статьи 9 Конвенции. Это вмешательство было, как сочтено и внутрисударственными судами, предусмотрено законом, поскольку, согласно шведскому праву, работник обязан исполнять все трудовые обязанности, вверенные ему (*see Wretlund v. Sweden* (dec.), no. 46210/99, 9 March 2004). Суд удовлетворен, что вмешательство, таким образом, имело достаточное основание в шведском праве и было предусмотрено законом. Оно также преследовало законную цель защиты здоровья женщин, желающих [проведения] аборта.

По п. 25 возникает вопрос к Суду: не должен ли он был обратиться к анализу соответствия шведского закона Конвенции, если принцип “каждый работник — все обязанности” абсолютно не приспособлен для учёта различий, которые возникают для работников, имеющих христианские убеждения и не имеющих таковых?

26. Вмешательство было также необходимо в демократическом обществе и пропорциональным. Суд отмечает, что Швеция предоставляет общенациональные услуги по проведению абортот и, таким образом, имеет позитивное обязательство организовать свою систему здравоохранения таким образом, чтобы эффективная реализация свободы совести медицинскими работниками в их профессиональном контексте не препятствовало предоставлению таких услуг. Требование, чтобы все акушерки исполняли все обязанности, присущие вакантным должностям, не было непропорциональным или несправедливым. Работодатели, по шведскому праву, имеют большую гибкость в решении, как должна быть организована работа, и право требовать, чтобы работники исполняли все обязанности, подразумеваемые должностью. При заключении трудового договора работники подразумеваемо принимают эти обязанности. В данном деле заявительница добровольно выбрала стать акушеркой и подать заявление на вакантную должность, зная, что это

30 Application no. 43726/17 *Ellinor Grimmark against Sweden*. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%7B%22001-201915%22%7D%7D>.

будет означать и содействие в случаях абортгов. Более того, в результате отказов заявительница не осталась безработной, но имела возможность продолжить работу медсестрой в Госпитале Хёгланда, где она имела должность и где она работала до марта 2016 г.

Вопросы к Суду по п. 26: почему, упоминая “позитивные обязательства” Швеции обеспечить доступность абортгов, Суд даже не обмолвился об обязанностях Швеции по ст. 9 Конвенции? Где хотя бы вопрос к государству, рассматривались ли иные варианты организации системы здравоохранения, которые могли бы эффективно учесть наличие медицинского персонала, имеющего убеждения веры и совести по вопросу абортгов, если абортгов столь существенны для страны? В чем выражается гибкость работодателей, если по сути для работника может быть только два варианта: либо всё, либо ничего, — при том, что в гинекологической практике существует множество нюансов разделения профессионалов по вопросам их компетенции³¹? Почему работа акушерки, заключающаяся, прежде всего, в родовспоможении, сведена к содействию в проведении аборта?

27. Более того, Суд отмечает, что внутригосударственные суды тщательно уравновесили различные права и представили подробные выводы, которые основаны на достаточной и применимой (relevant) аргументации. Корректный баланс был установлен между различными конфликтующими интересами.

Похоже, в этой части, как и в решении по делу Эвейда³², Суд снова подменяет, чьи права с чьими он призван уравновешивать. Очевидно, что баланс здесь — между “правом женщины на аборт”, “позитивным обязательством” Швеции организовать систему здравоохранения под это “право”, правом работодателя требовать от всех работников всего объема работ. Никаким образом не следует из кратких заключений Суда, что убеждения совести верующих были признаны имеющими право на учёт как на приспособление под него государства, как это делается с системой здравоохранения — под интерес женщины избавиться от вынашиваемого ею ребенка.

28. Соответственно, Суд считает, что данное заявление является явно необоснованным и должно быть отклонено в соответствии с п. а ч. 3 и ч. 4 Статьи 35 Конвенции».

Относительно статьи 14 Конвенции (о дискриминации) Суд пришел к выводу об отсутствии исчерпания внутригосударственных средств

31 В этом вопросе авторы опираются на российский опыт, когда, например, акушер-гинеколог может провести рутинное УЗИ беременной, но не может провести элемент УЗИ, входящий в скрининг по беременности.

32 См. подробнее: Защита традиционных ценностей и международное право / ред. Н. С. Семеновой, Е. В. Киселевой. М., 2017.

правовой защиты г-жой Стин, а потому в этой части рассуждения Суда имеются только по делу Гриммарк. Они ещё более лаконичны, чем по ст. 9 Конвенции.

Признав, что статья 14, не имеющая по Конвенции автономного характера, связана с реализацией прав по ст. 9 и 10, Суд заявил:

«43. Суд отмечает, что жалоба заявительницы по Статье 14 Конвенции связана с ее жалобами по Статьям 9 и 10 Конвенции, что обращение с заявительницей было менее благоприятным из-за ее религиозных убеждений и ее позиции по абортам. В своем обращении заявительница сравнивала свою ситуацию с ситуацией тех акушерок, которые желали выполнения всех обязанностей, присущих вакантной должности, включая аборт».

44. Суд считает, что ситуация заявительницы и ситуация других акушерок, согласившихся на проведение аборт, недостаточно сходны, чтобы их можно было сравнить. Заявительница, таким образом, не может считаться находящейся в той же ситуации, что и те другие акушерки».

Выводом Суда по ст. 14 Конвенции стал также отказ в рассмотрении дела как явно необоснованного. Европейский Суд по правам человека согласился с выводом шведского омбудсмена по вопросам дискриминации, который отклонил дело г-жи Гриммарк и пришел к выводу, что вера не является предметом спора, поскольку «другая акушерка, отказывающаяся выполнять часть работы, кроме как по религиозным соображениям, не подвергалась бы обращению иначе, чем заявитель» (п. 10 решения).

В этой части можно только сожалеть, что заявительница не сформулировала группы для сравнения как «акушерки, имеющие убеждения совести, не позволяющие участвовать в проведении аборт», и «акушерки, не имеющие убеждений совести, не позволяющих участвовать в проведении аборт».

Примечательно, что соразмерность ограничения права на вероисповедание Суд увязывает с только защитой другого права, но не с тем, что само ограничение должно быть соразмерно иным доступным государству средствам достижения законной цели (предоставить определенные услуги, в данном случае), например, наличие персонала, согласного проводить аборт.

Удивительным является то, что ЕСПЧ «не видит», что его решения, сводя всю работу акушерки к производству аборт, а не, собственно, к родовспоможению, лишают возможности верующих христиан участвовать в сопровождении именно родовой деятельности. Другими

словами, в данном решении Суд не то, что не попытался выстроить баланс между закрепленным в законодательстве Швеции правом женщины на аборт, *выводимым* в практике Суда из права на защиту частной жизни по ст. 8 Конвенции, и правом на свободу вероисповедания, *прямо* гарантированным Европейской конвенцией по правам человека 1950 г., а, наоборот, установил отсутствующую в Конвенции жесткую иерархию прав (условно: право на свободу вероисповедания является последним правом человека, которое следует защищать, преимущество должно быть отдано любому другому праву человека) и дискриминационно по признаку вероисповедания ограничил возможности трудоустройства верующих христиан в определённой сфере медицинской деятельности (родовспоможение), которая в целом лежит за рамками Конвенции и в рассмотренном деле не может быть связана с защитой права на жизнь женщины ввиду общего характера фактически наложенного Судом запрета и отнесения аборта в целом к праву неприкосновенности частной и семейной жизни.

Этого мало — Суд, по существу, переложил на заявительницу ответственность за реализацию государством его — государства — обязательств по предоставлению абортивных услуг, как будто лишение возможности верующих христиан заниматься акушерской деятельностью из-за отказа проводить аборт является единственным средством, имеющимся у государства для достижения доступности абортов в масштабах страны.

Заместитель директора ADF International Роберт Кларк назвал решение суда «очень разочаровывающим»: «Медицинские работники должны иметь возможность работать, не будучи принуждёнными выбирать между своими глубоко укоренившимися убеждениями и своей карьерой»³³.

При этом, ведущий активист Кампании по половому воспитанию в Швеции, Ханс Линде, заявил, что «медперсонал не имеет права отказываться от оказания помощи», и что данное решение Суда «поможет защитить здоровье женщин, право на качественный уход и уважительное отношение при обращении за абортом»³⁴.

Данные два высказывания иллюстрируют общественный резонанс по делам, где затронуты соблюдение и защита соматических прав и обеспечение права на свободу мысли, совести и вероисповедания.

33 Sweden Abortion: Nurses Fail in European Court Case. URL: <https://bbc.com/news/world-europe-51874119>.

34 Ibid.

Сравним решения по делам *Гриммарк и Стин* с решением, вынесенным Европейским Судом по правам человека 18 лет назад (в 2002 г.) по делу *Boso v. Italy*³⁵, по которому отец выступал за свое право на отказ от аборта при согласии жены на таковое.

Суть дела в следующем. В 1984 г. жена господина Дж. Босо (*Giampiero Boso*), находясь в положении, решила сделать аборт, несмотря на его возражения, что и осуществила в октябре 1984 г. 8 ноября 1984 г. заявитель подал иск против своей жены в магистратский суд Сан-Дона-ди-Пьяве, требуя компенсации за нарушение его прав как потенциального отца и права нерождённого ребенка на жизнь. Заявитель также обжаловал конституционность Закона № 194 от 1978 г., утверждая, что это противоречит принципу равенства между супругами, закрепленному в ст. 29 и 30 Конституции Италии, поскольку полностью оставляет за матерью право решать, делать ли аборт, и не принимает во внимание желание отца. Жена заявителя утверждала, что действовала в соответствии со статьей 5 Закона № 194 от 1978 г., согласно которому только она имела право решать, делать ли ей аборт.

В постановлении (№ 389) от 31 марта 1988 г. Конституционный суд объявил вопрос о конституционности явно необоснованным на том основании, что обжалуемый закон был основан на политическом решении о предоставлении матери полной ответственности за аборт, и что решение не было нелогичным, тем более что последствия беременности, как физические, так и психические, в первую очередь ощущались матерью. Принимая во внимание решение Конституционного суда, мировой суд отклонил иск заявителя в решении от 18 мая 1990 г. Заявитель обжаловал это решение в Окружном суде Венеции. Решением от 24 июня 1993 г. Окружной суд Венеции отклонил апелляцию на том основании, что право на компенсацию в соответствии со статьей 2043 Гражданского кодекса предполагало, что поведение жены заявителя было незаконным, тогда как она действовала в соответствии с Законом № 194 от 1978 г.

Закон № 194 от 1978 г. позволяет врачам прерывать беременность при определённых обстоятельствах. В соответствии с разделом 4 Закона женщина может принять решение о прерывании беременности до двенадцатой недели, если продолжение беременности, родов или материнства может поставить под угрозу ее физическое или психическое здоровье с учётом состояния ее здоровья, ее экономического, социального или социального положения, семейных обстоятельств, обстоятельств,

35 Case of *A, B and C v. Ireland* (Application no. 25579/05). URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-102332%22%5D%7D>.

при которых произошло зачатие, или вероятность аномалий или пороков развития плода.

Суд также постановил, что вопрос о конституционности, поднятый заявителем, был по существу таким же, как и вопрос, поднятый в первой инстанции, и, соответственно, объявил его явно необоснованным. Заявитель подал апелляцию по вопросам права в Кассационный суд, утверждая, в частности, что статья 5 Закона № 194 от 1978 г. нарушает статьи 2, 8 и 12 Конвенции, которые защищают право на жизнь и право на создание семьи.

Решением от 19 июня 1998 г., Кассационный суд отклонил жалобу заявителя. Он учел решение Конституционного суда от 31 марта 1988 г. и далее постановил, что объявление законодательства об абортах неконституционным не имело бы никакого отношения к требованию заявителя о компенсации. В любом случае иск был обречён на отказ в отсутствие каких-либо противоправных действий со стороны жены заявителя, которая воспользовалась правом, которое она имела.

В поданном заявлении в Европейский Суд г-н Босо указывал то, что действующее в Италии законодательство о добровольном прерывании беременности противоречит ст. 2 Конвенции, поскольку оно разрешает аборт и, таким образом, позволяет лишить плод жизни. Также г-н Босо ссылался на ст. 8 Конвенции, заявляя, что законодательство о добровольном прерывании беременности предоставляет матери право принимать решение об аборте и не принимает во внимание возражения со стороны отца.

Рассмотрев все обстоятельства дела, Европейский Суд по правам человека пришел к следующим выводам. Суд признал, что в обстоятельствах дела заявитель, как потенциальный отец, был настолько сильно затронут прерыванием беременности своей жены, что мог утверждать, что стал жертвой по смыслу ст. 34 Конвенции. Суд также отметил, что ст. 2 Конвенции содержит два фундаментальных элемента: общее обязательство защищать законом право на жизнь и запрет на умышленное лишение жизни, ограниченное списком исключений.

Суд постановил, что первое предложение п. 1 ст. 2 предписывает государству не только воздерживаться от умышленного и незаконного лишения жизни, но также принимать соответствующие меры для защиты жизни лиц, находящихся под его юрисдикцией. Это обязательство выходит за рамки обязанности обеспечивать право на жизнь путем введения в действие положений уголовного законодательства для предотвращения совершения преступлений против лица, при поддержке

правоохранительных органов для пресечения и наказания нарушений таких положений. Это может также подразумевать в определенных чётко определённых обстоятельствах позитивное обязательство властей принимать превентивные оперативные меры для защиты человека, жизнь которого находится в опасности. Суд отметил, что не требуется определять, может ли плод соответствовать требованиям защиты в соответствии с первым предложением ст. 2. Даже если предположить, что при определённых обстоятельствах плод может считаться имеющим права, защищенные по ст. 2 Конвенции, Суд отмечает, что в настоящем деле, хотя заявитель не указал количество недель, прошедших до аборта или точные основания, на которых это было проведено, беременность его жены была прервана в соответствии с разделом 5 Закона № 194 от 1978 г.

В этой связи Суд отметил, что соответствующее итальянское законодательство разрешает аборт в течение первых двенадцати недель беременности, если существует риск для физического или психического здоровья женщины. Помимо этого, аборт может быть произведен только в том случае, если продолжение беременности или родов поставит под угрозу жизнь женщины, или если установлено, что ребенок родится в таком серьезном состоянии, что подвергнет опасности физическое или психическое здоровье женщины. Отсюда следует, что аборт может быть произведен для защиты здоровья женщины. По мнению Суда, такие положения устанавливают справедливый баланс между, с одной стороны, необходимостью обеспечить защиту плода, и, с другой, интересами женщины. Принимая во внимание условия, необходимые для прерывания беременности, и особые обстоятельства дела, Суд не счел, что государство-ответчик вышло за рамки своего усмотрения в такой деликатной ситуации. Обратим внимание, что почти два десятилетия назад Суд чётко называл конфликтующие интересы, которые стремился уравновесить.

Отвечая на заявление г-на Босо о нарушении ст. 8 Конвенции, а именно о невозможности с его стороны повлиять на решение жены, Суд отметил, что считает, что любое толкование прав потенциального отца в соответствии со ст. 8 Конвенции, когда мать намеревается сделать аборт, должно, прежде всего, принимать во внимание ее права, поскольку она является лицом, в первую очередь обеспокоенным беременностью и ее продолжением или прерыванием. Таким образом, аборт в данном деле был произведен в соответствии с итальянским законодательством и преследовал цель защиты здоровья матери. Соответственно, любое вмешательство в право, защищаемое ст. 8, которое могло быть допущено

в обстоятельствах дела, было оправдано как необходимое для защиты прав другого лица. Жалоба г-на Босо была отклонена как явно необоснованная в соответствии с п. 3 и 4 ст. 35 Конвенции.

Здесь снова бросается в глаза чёткость в позиции Суда по вопросу о балансировании в защите разных прав разных лиц — всё названо, всё конкретизировано: и права, и лица, и мотивы для выбора, — тогда как в делах *Гриммарк и Стин* 2020 г. «лаконичность» прикрывает искажение как конфликтующих интересов, так и отсутствие смелости Суда прямо назвать свои приоритеты.

Итальянское государство заявило о том, что предоставление ответственности за аборт исключительно женщине — это политическое решение (хотя с логикой здесь можно поспорить, ведь как в зачатии участвуют двое, так и ответственность за рожденного ребенка несут в равной степени оба родителя — почему же промежуток между зачатием и рождением объявляется исключительной ответственностью только одной стороны, причём неважно, какой именно?). Суд — ни в 2002 г., ни в 2020 г. — не делает такого заявления, хотя фактически также исходит из своей политики продвижения соматического «права» на аборт, в том числе, в ущерб прямо закрепленному в Конвенции праву на свободу вероисповедания.

В заключение отметим, концепция соматических прав человека находится в прямом противоречии с христианским учением о теле человека, выраженном ап. Павлом в Первом Послании к коринфянам: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм — вы» (1 Кор. 3, 16–17); «Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?.. Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои? Ибо вы куплены дорогою ценою. Посему прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии» (1 Кор. 15, 19–20). Самовластие человека над телом ограничено заповедями, и это ограничение, по слову св. Иоанна Златоуста, «не нарушает свободной воли, но отклоняет от порока»³⁶.

Опора Европейским Судом по правам человека на концепцию соматических прав приводит к дискриминации христиан, но осуществляется это Судом пока под прикрытием лаконичных формулировок об уравнивании различных интересов, формулировок, за которыми, на самом деле, стоит такое выстраивание приоритетов в защите прав

36 *Иоанн Златоуст, свт.* Толкование на 1 Кор. 6, 19–20. URL: <http://bible.optina.ru/new:1kor:06:19>.

человека, где свобода вероисповедания традиционной для Европы религии оказывается на последнем месте среди защищаемых Европейской конвенцией по правам человека прав.

Источники

- Application no. 43726/17 Ellinor Grimmark against Sweden. [Электронный ресурс]. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-201915%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-201915%22]}) (дата обращения: 23.10.2020).
- Case of A, B and C v. Ireland (Application no. 25579/05). [Электронный ресурс]. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:\[%22001-102332%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{%22itemid%22:[%22001-102332%22]}) (дата обращения: 23.10.2020).
- Американская конвенция о правах человека от 22 ноября 1969 г. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39605365#pos=3;-106 (дата обращения: 23.10.2020).
- Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека от 19 октября 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: https://un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 23.10.2020).
- Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека от 11 ноября 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: https://un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 23.10.2020).
- Гражданский кодекс РФ от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10164072> (дата обращения: 23.10.2020).
- Замечание общего порядка № 22 (2016) о праве на сексуальное и репродуктивное здоровье (статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах). 2 мая 2016 г., E/C.12/GC/22. [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/C.12/GC/22> (дата обращения: 23.10.2020).
- Международная декларация о генетических данных человека от 16 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: https://un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 23.10.2020).

Литература

- Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Новое поколение прав человека: соматические права человека // Московский журнал международного права. 2009. № 1 (73). С. 69–82.
- Ананских И. А., Чернова О. Ю. Соматические права в системе прав человека // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 12. С. 11–17.
- Защита традиционных ценностей и международное право: монография / ред. Н. С. Семенова, Е. В. Киселева. М.: Покров ПРО, 2017.
- Иоанн Златоуст, свт. Толкование на 1 Кор. 6, 19–20. [Электронный ресурс]. URL: <http://bible.optina.ru/new:1kor:06:19> (дата обращения: 16.11.2020).

- Крусс В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.
- Крусс В. И. Соматические права человека в соотношении православной антропологии С. Л. Франка и философии экологического кризиса В. Хесле // Медицина, этика, религия и право: материалы конференции. М.: Международный университет, 2000. С. 171–189.
- Лаврик М. А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 16–26.
- Набоков В. Д. Элементарный учебник русского уголовного права. Вып. 1. СПб.: Сенатская тип., 1903.
- Нестерова Е. М. Понятие и юридико-социальная сущность соматических прав человека // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 7 (029). С. 222–226.
- Перечень поручений по итогам расширенного заседания президиума Государственного совета. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/64273> (дата обращения: 16.11.2020).
- Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 1. М.: Госюриздат, 1955.
- Поцелуев Е. Л., Данилова Е. С. Понятие и виды личностных (соматических) прав человека // Наука. Общество. Государство. 2015. Т. 3. № 1. С. 124–133.
- Романовский Г. Б. Понятие и содержание репродуктивных прав в России и странах СНГ // Реформы и право. 2010. № 4. С. 3–18.
- Рудый Н. К., Михайличенко С. И., Аушев М. З. Историко-правовой аспект конституционного права на жизнь и правовой статус эмбриона человека // История государства и права. 2010. № 11. С. 9–12.
- Смирнов А. М. К вопросу о выделении соматических прав в самостоятельную группу прав человека. [Электронный ресурс]. URL: <https://gurnal.ru/statyi/ru/743> (дата обращения: 23.10.2020).
- Хазова О. А. Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 4. С. 15–24.
- Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / ред. М. С. Батыра. М.: Проспект, 2008.
- Chavkin W., Swerdlow L., Fifield J. Regulation of Conscientious Objection to Abortion: An International Comparative Multiple-Case Study // Health and Human Rights Journal. 2017. Vol. 19. № 1. P. 55–68.
- Council of Europe: European Court of Human Rights, Guide on Article 8 of the European Convention on Human Rights – Right to Respect for Private and Family Life, 31 December 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://refworld.org/docid/5a016ebe4.html> (дата обращения: 06.11.2020).
- Lee E. Abortion Law and Politics Today. London: Macmillan Press, 1998.
- Sweden Abortion: Nurses Fail in European Court Case. [Электронный ресурс]. URL: <https://bbc.com/news/world-europe-51874119> (дата обращения: 23.10.2020).

Abortions in the Case-Law of the European Court of Human Rights in Context of the Concept of Somatic Rights and the Right to Freedom of Religion

Ekaterina V. Kiseleva

PhD in Law

Associate Professor at the Department of International Law
at the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

kiseleva_ev@rudn.university

Olga S. Kazhaeva

PhD in Law

kazhaeva_olga@mail.ru

For citation: Kiseleva, Ekaterina V., Kazhaeva, Olga S. "Abortions in the Case-Law of the European Court of Human Rights in Context of the Concept of Somatic Rights and the Right to Freedom of Religion". *Praxis*, № 2 (4), 2020, pp. 87–112 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAXIS.2020.4.2.006

Abstract. The case-law of the European Court of Human Rights contains a range of decisions touching upon the problem of abortions. The latest of such decisions, as of October 2020, were issued in March 2020 (*Grimmark v. Sweden* and *Steen v. Sweden*). Although there is no right to abortion in the European Convention on Human Rights, the abortion cases are being taken by the Court, inter alia, in context of the right to life (usually that of the pregnant woman, but not of the unborn child), right to respect for private life (usually that of the pregnant woman, but not, e. g. of the father of the unborn child), freedom of religion (usually that of a health care worker refusing to carry out an abortion and generally being left without the protection of the Court), etc. It is notable that, when deciding the abortion cases, the Court *de facto* employs the concept of the so called somatic human rights and tends recently not to trouble itself with seeking the real balance between the different human rights that become intertwined in connection with abortion. The theory of somatic rights as of fourth generation human rights emanates from the world outlook accepting rights of a person to disposal of one's body supported by the rapid development of biomedicine, bioengineering and industrial production, but being in contradiction with the Orthodox faith. The present article reveals the basic provisions related to the so called somatic rights, especially reproductive rights, notes their incongruity with the Christian attitude towards a human life and body, brings three examples of the European Court's of Human Rights cases connected with abortions, that witness a tendency to accept 'a right to abortion' generally and, in particular, as a more prioritized one than the protection of the freedom of religion, if the matter concerns the conscientious abjection to carry out an abortion on the part of the health care worker. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of research project No. 18-011-00292.

Keywords: international law, human rights, freedom of religion, Christianity, abortion, somatic rights, reproductive rights, conscientious abjection to carry out an abortion.

References

- Abashidze A. H., Solncev A. M. (2009) "Novoe pokolenie prav cheloveka: somaticheskie prava cheloveka" ["New Generation of Human Rights: Somatic Human Rights"]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 1 (73), pp. 69–82 (in Russian).
- Ananskih I. A., Chernova O. Yu. (2013) "Somaticheskie prava v sisteme prav cheloveka" ["Somatic Rights in the Human Rights System"]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, no. 12, pp. 11–17 (in Russian).
- Batyra M. S. (2008) *Hrestomatiya po vseobshchej istorii gosudarstva i prava* [Textbook on the Universal History of State and Law]. M.: Prospekt (in Russian).
- Chavkin W., Swerdlow L., Fifield J. (2017) "Regulation of Conscientious Objection to Abortion: An International Comparative Multiple-Case Study". *Health and Human Rights Journal*, vol. 19, no. 1, pp. 55–68.
- Hazova O. A. (2000) "Reproduktivnye prava v Rossii: predely zakonodatel'nogo regulirovaniya" ["Reproductive Rights in Russia: Limits of Legal Regulation"]. *Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropejskoe obozrenie*, no. 4, pp. 15–24 (in Russian).
- Kruss V. I. (2000) "Lichnostnye (somaticheskie) prava cheloveka v konstitucionnom i filosofsko-pravovom izmerenii: k postanovke problem" ["Personal (Somatic) Human Rights in the Constitutional and Philosophical-Legal Dimension: To the Problem Statement"]. *Gosudarstvo i pravo*, no. 10, pp. 43–50 (in Russian).
- Kruss V. I. (2000) "Somaticheskie prava cheloveka v sootnoshenii pravoslavnoj antropologii S. L. Franka i filosofii ekologicheskogo krizisa V. Hesle" ["Somatic Human Rights in Relation to S. L. Frank's Orthodox Anthropology and V. Hesle's Philosophy of Ecological Crisis"], in *Medicina, etika, religiya i pravo: materialy konferencii* [Medicine, Ethics, Religion and Law: Conference Proceedings]. Moscow: Mezhdunarodnyj universitet, pp. 171–189 (in Russian).
- Lavrik M. A. (2005) "K teorii somaticheskikh prav cheloveka" ["The Theory of Somatic Rights of a Person"]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik*, no. 3, pp. 16–26 (in Russian).
- Lee E. (1998) *Abortion Law and Politics Today*. London: Macmillan Press.
- Nesterova E. M. (2011) "Ponyatie i yuridiko-social'naya sushchnost' somaticheskikh prav cheloveka" ["Concept and Legal and Social Essence of Somatic Human Rights"]. *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process*, no. 7 (029), pp. 222–226 (in Russian).
- Piontkovskij A. A. (1955) *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Osobennaya chast'* [The Course of the Soviet Criminal Law]. Moscow: Gosyurizdat, vol. 1 (in Russian).
- Poceluev E. L., Danilova E. S. (2015) "Ponyatie i vidy lichnostnyh (somaticheskikh) prav cheloveka" ["Concept and Types of Personal (Somatic) Human Rights"]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, vol. 3. no. 1, pp. 124–133 (in Russian).
- Romanovskij G. B. (2010) "Ponyatie i sodержanie reproduktivnyh prav v Rossii i stranah SNG" ["Concept and Content of Reproductive Rights in Russia and CIS Countries"]. *Reforma i pravo*, no. 4, pp. 3–18 (in Russian).
- Rudiy N. K., Mihajlichenko S. I., Aushev M. Z. (2010) "Istoriko-pravovoj aspekt konstitucionnogo prava na zhizn' i pravovoj status embriona cheloveka" ["Historical and Legal Aspect of the Constitutional Right to Life and the Legal Status of the Human Embryo"]. *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 11, pp. 9–12 (in Russian).

- Semenova N. S., Kiseleva E. V. (eds.) (2017) *Zashchita tradicionnyh cennostej i mezhdunarodnoe pravo: monografiya* [*Protection of Traditional Values and International Law: Monograph*]. Moscow: Pokrov PRO (in Russian).
- Smirnov A. M. (2020) “К вопросу о выделении соматических прав в самостоятельную группу прав человека” [“On the Issue of Distinguishing Somatic Rights into an Independent Group of Human Rights”], in *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom* [*Education and Science in Russia and Abroad*], available at: www.gyrnal.ru/statyi/ru/743 (23.10.2020) (in Russian).